

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД ЛЕНИНГРАДА В 1942 Г.¹

Ходяков Михаил Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

m.khodyakov@spbu.ru

Аннотация. В статье на основе разнообразных источников показано, что несколько волн эвакуации населения из блокированного Ленинграда, сопровождавшихся огромной смертностью жителей зимой 1941/1942 гг., а также разрушения зданий в результате обстрелов и бомбежек требовали проведения особой жилищной политики. Ее реализацией активно занимался исполнительный комитет Ленинградского городского Совета. Характеризуя очередную эвакуацию населения, последовавшую летом-осенью 1942 г., автор, привлекая архивные материалы, рассматривает проблему с точки зрения состояния жилого фонда и прав на свое жилье для тех, кто был вынужден покинуть город. Отмечается, что органы власти предпринимали определенные действия, направленные на ограничение разрушений жилых строений в чрезвычайных условиях войны. Эти усилия были ориентированы на сохранение жилой площади за несколькими категориями ленинградцев: за теми, кто находился на службе в Красной армии, и за видными деятелями науки, культуры, искусства. Реализация жилищной политики в условиях блокады была серьезно осложнена тем, что помимо муниципального фонда в городе имелись здания и постройки, находившиеся в ведении различных наркоматов и ведомств, а также принадлежавшие частным владельцам. Общее сокращение жилого фонда, а также необходимость реэвакуации ленинградцев еще до завершения войны вынудили городское руководство пойти на ряд ограничительных мер, направленных на предотвращение наплыва в город эвакуированного населения.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, жилищная политика, эвакуация населения, жилищный фонд, городское хозяйство.

Цитирование: Ходяков М.В. Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 167–179. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-167-179 / Khodjakov M.V. Evacuation of the Population and the Housing Stock of Leningrad in 1942, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 167–179. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-167-179.

© Ходяков М.В., 2022

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы», <https://rscf.ru/project/22-28-00617/>.

EVACUATION OF THE POPULATION AND THE HOUSING STOCK OF LENINGRAD IN 1942¹

Khodjakov Mikhail V.

St Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

m.khodyakov@spbu.ru

Abstract. Based on various sources, the article shows that several waves of evacuation of the population from besieged Leningrad required a special housing policy, since the evacuation faced extremely high death rate of residents in the winter of 1941–1942 and the destruction of buildings as a result of shellings and bombings. The executive committee of the Leningrad City Council was actively engaged in the implementation of a new policy. Describing the next evacuation of the population that followed in the summer-autumn of 1942, the author, uses archival materials and examines the problem regarding the condition of the housing stock and the right to housing for those who were forced to leave the city. The article shows the authorities took certain actions aimed at limiting the destruction of residential buildings during the emergency conditions of the war. These efforts were focused on preserving residential space for those who served in the Red Army and for prominent figures in science, culture, and art. The implementation of housing policy under the blockade was seriously complicated by the fact that, in addition to the municipal fund, there were buildings and structures in the city that were under the jurisdiction of various people's commissariats and departments, as well as owned by private owners. Even before the end of war, the general decrease in the housing stock, as well as the need to re-evacuate Leningrad residents, forced the city leadership to take a number of restrictive measures aimed at preventing the influx of evacuees into the city.

Keywords: siege of Leningrad, housing policy, evacuation of the population, housing stock, urban economy.

¹ This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00617 "The Forbidden City: Housing Policy in Leningrad in the 1940s", <https://rscf.ru/en/project/22-28-00617/>.

Эвакуация гражданского населения из Ленинграда, численность которого к началу войны превышала 3 млн чел., являлась одной из важнейших задач не только политического, но и военного руководства страны. Исследователи не раз обращались к этой проблеме, характеризуя различные этапы эвакуации: с конца июня до конца августа 1941 г., когда оставалась возможность покинуть город по железной дороге (включая нелепую «эвакуацию» и реэвакуацию детей)¹; с момента начала блокады города в сентябре 1941 г. по Ладоге водным транспортом; наконец, с 22 января по 15 апреля 1942 г. по льду Ладожского озера (в том числе пешком порядком) [Уродков, 1958; Ковальчук, 2000; Пянкевич, 2014, с. 408–460; Пянкевич, Чистиков, 2019]. В целом, как нам представляется, вопрос об эвакуации из Ленинграда в 1941–начале 1942 г. свыше 1,7 млн чел. изучен основательно.

В настоящей статье автор затрагивает проблему, которая в гораздо меньшей степени освещена в исторической литературе, но при этом она касалась практически каждого, кто покидал город. Речь о том, как к моменту начала очередной, летне-осенней эвакуации 1942 г., в ходе которой из города было вывезено еще более 400 тыс. чел., решались сложные и запутанные вопросы, связанные с определением права эвакуируемых на жилплощадь в Ленинграде. Эти сюжеты лишь фрагментарно были затронуты в работах Дональда Дж. Лейтча и Ребекки Мэнли [Leitch, 1950; Manley, 2006].

По официальным данным, полученным в результате обследования, проведенного Ленинградским инвентаризационным бюро в 1936 г., в предвоенные годы жилой фонд города состоял из 17,7 тыс. домовладений и 25 тыс. жилых строений общей площадью чуть более 16 млн кв. м [Домовый фонд Ленинграда..., 1937, с. 3]. Из них 14 млн кв. м приходилось на дома дореволюционной постройки. Свыше 90 % всей жилплощади составлял муниципальный фонд. Во владении отдельных граждан находилось около 2 тыс. отдельных строений общей площадью 114 тыс. кв. м (со средней жилой площадью 50–60 кв. м). Около 9 % площади приходилось на национализированный фонд и фонд кооперативных и общественных организаций [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 29]. Из 19,6 тыс. домов города 10,5 тыс. были деревянными. Они являлись основным источником «аварийного фонда». На каменные дома приходилось $\frac{3}{4}$ всей городской жилплощади. В Володарском, Выборгском и Красногвардейском районах, где преобладала деревянная застройка, обеспечение водопроводом и канализацией составляло 54–56 %. Тогда как в Куйбышевском, Дзержинском и некоторых других центральных районах Ленинграда такой проблемы не существовало вовсе [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 30]. В целом техническое состояние городского жилого фонда оценивалось как неудовлетворительное. Так, из 1440 лифтов в муниципальных домах действовало лишь около 100 [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 31]. В городе насчитывалось 8 450 домов (преимущественно

¹ 7 июля 1941 г. Политбюро утвердило решение Совета по эвакуации, согласно которому Ленгорисполкому разрешалось «дополнительно эвакуировать» 500 тыс. чел. членов семей рабочих и служащих (в Вологодскую, Кировскую, Омскую, Молотовскую области, Казахскую ССР и т. д.). Эвакуацию предполагалось закончить в 10-дневный срок [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 424, л. 102–106].

деревянных) с общей площадью 1 128 кв. м, не подключенных к водопроводу. Около 800 из них, общей площадью около 150 тыс. кв. м, планировалось снести в годы третьей пятилетки (1938–1942 гг.), а остальные предполагалось подключить к водопроводной сети [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 35].

Темпы жилищного строительства в Ленинграде до конца 1930-х гг. были невысокими. По сравнению с 1933 г. они сократились в 3 раза — с 323 тыс. кв. м жилья в год до 107–108 тыс. в 1936–1937 гг. [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 2]. План ввода жилой площади в городе в 1938–1942 гг. предусматривал исключительно каменное строительство. Вместе с тем не исключалось возведение рабочими и служащими «индивидуальных деревянных домиков». Только в 1937 г. для этих целей было выделено 1 500 участков, а в первой половине 1938 г. — 700. Индивидуальное дачное строительство, осуществлявшееся преимущественно в пригородах Ленинграда (Стрельне, Слущке, Петергофе, Озерках), должно было дать в 1938–1942 гг. дополнительно 150–200 тыс. кв. м жилья. Еще 300 тыс. кв. м планировалось построить в пригородах Ленинграда — Пушкине, Колпино, Петергофе, Кронштадте [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 7–7 об., 12].

С учетом нового строительства к 1 января 1943 г. жилой фонд Ленинграда должен был увеличиться до 19 млн 337 тыс. кв. м при планируемом населении города 3 050 тыс. чел. Предполагалось, что обеспеченность горожан жилой площадью при этом вырастет до 6,3 кв. м к началу 1943 г. (по сравнению с 5,7 кв. м на человека в 1938 г.) [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 9]. Состояние жилого фонда Ленинграда усугубляли свыше 700 тыс. кв. м площади в «аварийных домах». Более 13,5 % населения города (370 тыс. чел.) имели обеспечение жилплощадью до 3 кв. м на человека и еще 27,5 % (750 тыс. чел.) — до 4 кв. м [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 21].

Заметим также, что из общего жилищного фонда Ленинграда к началу войны свыше 2 млн кв. м находились в ведении различных наркоматов (оборонной, тяжелой, лесной промышленности, путей сообщения, просвещения, здравоохранения и др.) и Ленсовета [ЦГА СПб, ф. 2076, оп. 2, д. 71, л. 14]. Застройщиками такого жилья являлись промышленные предприятия и различные ведомства. Наличие значительного количества деревянных домов в Ленинграде, а также принадлежность части жилого фонда различным структурам приводило к ситуации «безответственного владения» [Иванов В.А., Иванов Д.В., 2016, с. 107], что создавало дополнительные трудности в процессе решения жилищных вопросов в заблокированном городе.

Один из руководителей Ленинграда военной поры, второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А.А. Кузнецов, характеризуя в феврале 1942 г. настроение населения, говорил о «нескольких сотнях» разрушенных в городе домов [Ломагин, 2004, с. 159]. Однако помимо разрушений жилого фонда в результате артиллерийских обстрелов и бомбежек ему угрожали и другие факторы. Мобилизации и эвакуации населения привели к действиям Ленгорисполкома, направленным на упорядочение вопросов, связанных с необходимостью сохранения жилого фонда города посредством принятия обязательных для исполнения решений. Так, 2 февраля 1942 г.

горисполком распорядился восстановить охрану незаселенных жилых ведомственных домов. В случае полной эвакуации предприятия, в ведении которого ранее находилось здание, райисполкомы были обязаны прикрепить его к ближайшему домохозяйству районного жилищного управления, возложив на него охрану этого дома [Бюллетень ЛГС, 1942, № 3–4, с. 5–6].

С целью «пресечения разбазаривания» жилой площади решением Ленгорисполкома от 2 марта 1942 г. вводился особый порядок ее распределения (действовавший до 19 июля). Половина освободившейся жилой площади (в результате смерти съемщиков или их эвакуации) должна была поступать в распоряжение исполкомов районных Советов, а вторая половина – в ведение Жилищного управления исполкома Ленгорсовета «для создания резервного фонда жилой площади, используемого по указаниям исполкома Ленгорсовета» [Бюллетень ЛГС, 1942, № 5–6, с. 5–6]. Выделение квартир и комнат нуждающимся осуществлялось по специальным ордерам.

Важным рычагом, который должен был способствовать сохранению жилого фонда, оставался сбор платы за пользование жилыми помещениями. Решение Ленгорисполкома, принятое 16 февраля 1942 г., обязывало исполкомы районных Советов и районные жилищные управления в течение недели произвести проверку состояния расчетов с квартиросъемщиками [Бюллетень ЛГС, 1942, № 3–4, с. 6]. Проблема внесения населением платы за жилые помещения сохранялась и в последующем. Так, заместитель председателя Ленгорисполкома, начальник жилищного управления Б.М. Мотылев, участвуя 18 июня 1942 г. в обсуждении вопроса о мерах по ликвидации задолженности ленинградцев по квартирной и арендной плате, предложил свой план решения проблемы: «Мы думаем провести такое мероприятие: если эвакуированный будет аккуратно вносить квартирную плату, мы его площадь заселять не будем, заселенную освободим и площадь его сохраним. А площадь тех, кто не будет платить за квартиру, мы сохранять не будем, будем ее заселять, чтобы вновь въехавшие жильцы оплачивали квартирную плату» [Стенограммы..., 2017, с. 206].

Очевидно, что в чрезвычайных условиях войны и вражеской блокады провести в жизнь такие меры было невозможно. К тому же председатель исполкома Ленгорсовета П.С. Попков высказался против предложений Б.М. Мотылева. Он был уверен в том, что жилой площади в Ленинграде «будет много». Своеобразным ресурсом в этом отношении П.С. Попков считал жилплощадь рабочих и ИТР эвакуированных заводов и фабрик: «Они уехали и сели на свою базу, обратно они не вернуться... Кроме того, и после войны мы долгое время не пустим [их] в Ленинград, а известную группу людей вообще сюда не пустим. Паспортный режим будет у нас очень строгий... А выносить общее решение о том, чтобы сохранять площадь за теми эвакуированными, которые будут аккуратно платить квартирную плату, мы не будем. Мы многих из них сюда не пустим» [Стенограммы..., 2017, с. 206–207].

В начале мая 1942 г. началась подготовка к проведению очередного этапа эвакуации. 8 мая 1942 г. было принято решение исполкома Ленгорсовета от «О подготовке к эвакуации населения из г. Ленинграда в летних условиях» [ЦГА СПб,

ф. 303, оп. 1, д. 16, л. 22–23]. 23 мая 1942 г. Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин направили председателю ГКО СССР И.В. Сталину документ, в котором говорилось о том, что Военный совет Ленинградского фронта и Ленгорисполком внесли в Совнарком СССР предложение об эвакуации в весенне-летний период из Ленинграда 300 тыс. чел., в том числе детей (без родителей) – 25 тыс. чел., членов семей рабочих и служащих – 175 тыс. чел., членов семей военнослужащих – 75 тыс. чел., инвалидов войны – 6 тыс. чел., рабочих и служащих с семьями – 19 тыс. чел. Эвакуацию предлагалось начать с 25 мая 1942 г. На документе сохранился автограф И.В. Сталина и его короткая резолюция «За» [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 64, л. 16]. На следующий день, 24 мая, было принято постановление ГКО № 1805-с «Об эвакуации населения из г. Ленинграда» [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 36, л. 45].

Известная художница и театральная деятельница Л.В. Шапорина зафиксировала в дневнике то, как она встретила известие об эвакуации: «23 июня. Наши управленцы не скупятся на приятные сюрпризы. Получила сейчас повестку явиться с паспортом в райсовет по эвакуации. Сейчас идет бешеная высылка людей, т. к. иначе нельзя же назвать насильственную эвакуацию. При эвакуации человек теряет право на свою жилплощадь и имущество. Для меня эвакуация равносильна смерти, и лучше уж покончить с собой здесь, чтобы не умирать от сыпняка в вагоне. Чудовищно... к сожалению, отравиться нечем... Не поеду никуда – лучше повеситься. В мои годы быть выброшенной на улицу, превратиться в нищую, без угла!... С собой можно взять только 30 кг, взять столько, сколько можешь сама поднять и нести. Следовательно, мне надо брать не более 10 килограмм» [Шапорина, 2017, с. 334–335].

В действительности решением Ленгорисполкома от 8 июня 1942 г. устанавливалась норма багажа для одного эвакуируемого, которая составляла 50 кг на человека. Провоз в эвакуопоездах громоздких вещей (кровать, колясок, станков швейных машин и т. д.) запрещался [Бюллетень ЛГС, 1942, № 12, с. 11]. Вводимое в действие с 19 мая 1942 г. положение о жилищных отделах исполкомов районных Советов, которым вменялось в обязанность охранять имущество эвакуируемых и находящихся в РККА [Бюллетень ЛГС, 1942, № 12, с. 12], мало кого могло успокоить.

Нежелание части населения покидать «насиженные места» в ряде случаев было продиктовано прозаическими причинами. Уже 5 июля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Совнаркома СССР «О порядке эвакуации населения в военное время», из которого явствовало, что обязанность заниматься размещением переселенцев возлагалась на местных руководителей (в частности, председателей облисполкомов). Они должны были «обеспечить подготовку жилищ для эвакуируемого населения». В случае необходимости местные власти имели право производить «уплотнение жителей для расселения эвакуируемых» [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 423, л. 79]. В сентябре 1941 г. было принято постановление СНК СССР, предусматривавшее строительство жилых помещений для эвакуируемого населения [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 426, л. 76–77]. Логическим продолжением этой политики стало постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими,

эвакуированными на Восток» [РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 430, л. 30–31]. В нем подчеркивалось, что правительство сочло «неправильной» практику закрепления за трудящимися жилплощади на прежних местах проживания, поскольку «на новом месте постоянного жительства» в восточных районах страны они также получали жилплощадь. Таким образом, эвакуируемые ленинградцы, если они не были причислены к «особым» категориям, упомянутым в решениях Ленгорисполкома, нередко теряли свое жилье, а вместе с ним и право на возвращение в родной город.

Эвакуация населения вызвала необходимость проведения единовременного учета текущих изменений в муниципализированном жилом фонде города. Эта задача решением Ленгорисполкома от 24 июня 1942 г. была возложена на Жилищное управление, а общее руководство запланированными работами – на городское бюро по инвентаризации [Бюллетень ЛГС, 1942, № 14, с. 6].

Ускорить процесс эвакуации было призвано постановление Военного совета Ленинградского фронта от 5 июля 1942 г. о превращении Ленинграда в военный город с оставлением в нем минимума «самодеятельного населения» для обслуживания энергетики, транспорта, выполнения оборонных работ, бесперебойной работы важнейших отраслей городского хозяйства. Предполагалось к 15 августа 1942 г. эвакуировать до 300 тыс. жителей [Ленинград в осаде..., 1995, с. 85]. Выступая на следующий день на заседании бюро ЛГК, А.А. Жданов прямо заявил о том, что «...кормить... 1 млн 100 тыс. труднее, чем 800 тыс. Но если вы не шевелитесь по поводу того, чтобы миллионный город превратить в 800-тысячный, то вы сами усложняете военную обстановку» [Ленинград в осаде..., 1995, с. 89]. Со второй половины июля 1942 г. вся свободная жилая площадь в Ленинграде распределялась исключительно исполкомами районных Советов [Бюллетень ЛГС, 1942, № 16, с. 12].

Развернувшаяся летом–осенью 1942 г. эвакуация населения Ленинграда и жилищный вопрос оказались тесно связаны с проведением месячника по заготовке дров, целью которого провозглашалось обеспечение топливом горожан, предприятий, больниц, школ и т. д. Данное решение было принято 17 августа 1942 г. на заседании бюро ЛГК ВКП(б). В ходе обсуждения проблемы выяснилось, что она имеет явные юридические изъяны, связанные с обеспечением населения Ленинграда жилой площадью. Месячник, проводившийся с 1 сентября по 1 октября 1942 г., обострил вопрос о переселении граждан. Именно эта проблема и была признана «самой трудной» [Блокада в решениях..., 2020, с. 448–449]. Выступавший на заседании А.А. Кузнецов прямо отмечал, что «легче всего заселить площадь эвакуированных». При этом он предлагал учесть количество домов, подлежащих сносу, и внимательно наблюдать за владельцами частных деревянных домов: «За группой частных надо следить. Он узнает о том, что ему будут платить 20 % от страховых, и может спалить дом, получить по страховке все 5 тысяч. Он все получит полностью, а не те 20 %, которые мы ему намечаем» [Блокада в решениях..., 2020, с. 449]. Вероятно, опасения такого рода не были лишены оснований. Хотя частновладельческий жилой фонд в Ленинграде «погоды не делал». По данным на 1936 г., он

составлял лишь 2 082 строения, что не превышало 0,7 % от общей жилой площади города [Домовый фонд Ленинграда..., 1937, с. 3].

Заселение жилплощади эвакуированных из муниципализированных домов также имело свои трудности. А.А. Кузнецов предлагал выдавать переселенцам из сносимых деревянных домов постоянные ордера: «Если будете давать временные ордера, никто не поедет. Скажут: я жил в отдельном домике, рядом был огород, теперь я лишаюсь всех этих удобств, да плюс вы даете временную площадь. Приедет законный хозяин и попросит освободить комнату, а получить с вас потом площадь — не получишь». С тем, чтобы не увеличивать число недовольных, А.А. Кузнецов предлагал заселять «не все квартиры и комнаты», выделив в особую группу жилплощадь «нашей интеллигенции», а также тех ленинградцев, которые служат в Красной армии [Блокада в решениях..., 2020, с. 449].

Действительно, летом 1942 г. часть городской интеллигенции, пережившая первую блокадную зиму, покинула Ленинград. Известный в будущем иранист-филолог А.Н. Болдырев 10 июля 1942 г. записал в своем дневнике: «Академия уезжает, писатели уезжают, масса кругом просто так уезжают» [Болдырев, 1998, с. 123]. Ранее о сохранении квартир за эвакуируемыми из Ленинграда деятелями науки и искусства заявил исполком Ленгорсовета, запретивший своим решением от 3 марта заселять жилую площадь академиков, членов-корреспондентов АН СССР, докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, народных артистов СССР и РСФСР, заслуженных деятелей науки, техники и искусства [Бюллетень ЛГС, 1942, № 5–6, с. 6]. В том же месяце данная информация прозвучала со страниц прессы [Ленинградская правда, 1942].

Вместе с тем решение Ленгорисполкома о бронировании жилплощади военнослужащих выполнялось далеко не всегда. Так, поэтесса О.Ф. Берггольц, выбиравшая себе осенью 1942 г. новое жилье в доме на улице Рубинштейна (до 1929 г. — ул. Троицкая. — М.Х.), записала 6 октября в дневнике: «...одна квартирка мне понравилась; она светлая и чистенькая, печать смертей, бегства и разрухи на ней не так вопиющая, как на всех других... М. б., мы ее и возьмем, хотя дом с виду страшен и ход плох». После размышлений о том, как она устроит на новом месте свой быт, «блокадная муза» выразила сомнение: «Вот только как быть с ее хозяином — фронтовиком, если он жив, — ну, это райсовета дело» [Берггольц, 2015, с. 272, 273]. Мысль о вожденной квартире не отпускала поэтессу несколько дней. 9 октября она отмечала: «Завтра мне должны дать ордер на ту квартиру на Троицкой, — несколько неприятных улаживаний с вымогательницей-управхозом, и можно будет переезжать». Наконец, 13 октября свершилось то, о чем так долго О.Ф. Берггольц думала и мечтала: «Взяла ордер на ту квартиру на Троицкой, хотя в одну комнатку, правда совершенно изолированную и маленькую, придется составить вещи квартирохозяина и опечатать их. В райсовете говорят: “Да что вы тревожитесь, — может, он уже умер или убит, может, не вернется с войны, — квартира останется за вами”. Нехорошо жить, рассчитывая на смерть хозяина жилища, куда въезжаешь. Они еще говорят, что, если он вернется здоров и невредим, ему предоставят площадь

в другом доме. Это другое дело. Пусть выживет, пусть вернется, и всем, кто будет возвращаться, должен быть готов теплый и светлый угол» [Берггольц, 2015, с. 274–275]. 19 октября вновь мысли о квартире: «Нет, скорее, скорее надо оборудовать гнездо, новое гнездо на Троицкой. Там хорошие комнаты, — жаль, что пока у нас не все четыре, но и так пока ничего, хотя запечатанная эта комната, набитая чужими вещами, раздражает меня» [Берггольц, 2015, с. 280].

Проект решения исполкома Ленгорсовета о прекращении массовой эвакуации населения готовился заранее [ЦГА СПб, ф. 303, оп. 1, д. 16, л. 48]. Однако окончательное решение «О прекращении эвакуации населения из города Ленинграда» в связи с «выполнением намеченного плана» было принято исполкомом Ленгорсовета лишь 22 октября 1942 г. В итоге только за период с 27 мая по 20 октября 1942 г. было эвакуировано вглубь страны 403 017 чел. С 1 ноября 1942 г. дальнейшая эвакуация населения из Ленинграда прекращалась, выезд из города «в порядке эвакуации» разрешался лишь в исключительных случаях [ЦГА СПб, ф. 303, оп. 1, д. 16, л. 13].

Жилищный фонд Ленинграда в течение первых военных лет претерпел серьезные трансформации. Часть зданий была разрушена или требовала серьезного ремонта. В результате массовой смертности населения зимой 1941/1942 гг. и нескольких волн эвакуации руководство города получило возможность создания резервного жилого фонда, который использовался в чрезвычайных ситуациях с целью предоставления жилой площади тем, кто в силу разных причин ее лишился. Кампания по слому деревянных домов в городе, начатая осенью 1942 г., также привела к сокращению количества жилых строений в Ленинграде. После очередной эвакуации населения летом–осенью 1942 г. наступило временное затишье при решении острейших вопросов распределения городского жилья. Общее восприятие Ленинграда и его улиц в 1943 г. образно охарактеризовала Л.В. Шапорина: «Город почти пуст, движения очень мало. Не слышно заводских гудков, нет дыма, копоти... На улицах нет человеческого муравейника...» [Шапорина, 2017, с. 403]. Однако необходимость реэвакуации промышленных предприятий, многочисленных учреждений, военных и учебных заведений, обозначившаяся уже в 1943 г., неизбежно ставила перед руководством города задачи не только максимально эффективного использования сохранившихся жилых помещений, но и введения серьезных ограничений на въезд, связанных с возвращением в Ленинград десятков тысяч рабочих, служащих, инженерно-технических работников и членов их семей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Берггольц О.Ф. Блокадный дневник: (1941–1945). СПб.: Вита Нова, 2015. 556 с.

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы

заседаний. Часть II: Март–декабрь 1942 г. Отв. сост. К.А. Болдовский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 1261 с.

Болдырев А.Н. Осадная запись (Блокадный дневник). СПб.: Фонд регионального развития СПб; Европейский Дом; Европейский университет в Санкт-Петербурге. 1998. 365 с.

Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (Бюллетень ЛГС). 1942. № 3–4.

Бюллетень ЛГС. 1942. № 5–6.

Бюллетень ЛГС. 1942. № 12.

Бюллетень ЛГС. 1942. № 14.

Бюллетень ЛГС. 1942. № 16.

Домовый фонд Ленинграда. Статистический сборник по материалам инвентаризации. Л.: Ленгоринвентарбюро, 1937. 208 с.

Иванов В.А., Иванов Д.В. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // *Война и блокада. Сборник памяти В.М. Ковальчука*. Отв. ред. А.Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 97–112.

Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 15–24.

Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.

Ленинградская правда. 1942. 21 марта.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 1. 2-е изд. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. 576 с.

Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 479 с.

Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября–начале декабря 1941 г. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 1. С. 56–69.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 423.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 426.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 430.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 64.

Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. 1941–декабрь 1942 гг. Сб. документов. Отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб.: Изд-во «Арт-Экспресс», 2017. 440 с.

Уродков С.А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // *Вестник Ленинградского университета*. 1958. № 8. С. 88–102.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2076. Оп. 2. Д. 71.

ЦГА СПб. Ф. 303. Оп. 1. Д. 16.

Шапорина Л.В. Дневник. В 2 т. Т. 1. 3-е изд. М.: НЛО, 2017. 592 с.

Leitch D.G. Soviet Housing Administration and the Wartime Evacuation // *The American Slavic and East European Review*. Vol. IX. 1950. No. 3. October. Pp. 180–190.

Manley R. Where Should We Resettle the Comrades Next? The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Post-War Order // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. Ed. by Juliane Fürst. London; N.Y., 2006. Pp. 233–246.

REFERENCES

Berggol'ts O.F. *Blokadnyj dnevnik: (1941–1945)* [Blockade diary: (1941–1945)]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2015. 556 p. (in Russian).

Blokada v resheniyah rukovodyashchih partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Chast' II: Mart–dekabr' 1942 g. [Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b). Part II: March–December 1942]. Transcripts of meetings, comp. K.A. Boldovskiy. St. Petersburg: St Petersburg State University Press, 2020. 1261 p. (in Russian).

Boldyrev A.N. *Osadnaya zapis' (Blokadnyj dnevnik)* [Siege record (Blockade diary)]. St. Petersburg: Regional Development Fund St. Petersburg; European House; European University at St. Petersburg, 1998. 365 p. (in Russian).

Byulleten' Leningradskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchihsya (Byulleten' LGS) [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. 1942. No. 3–4 (in Russian).

Byulleten' LGS [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. 1942. No. 5–6 (in Russian).

Byulleten' LGS [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. 1942. No. 12 (in Russian).

Byulleten' LGS [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. 1942. No. 14 (in Russian).

Byulleten' LGS [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. 1942. No. 16 (in Russian).

Domovij fond Leningrada. Statisticheskij sbornik po materialam inventarizacii [House fund of Leningrad. Statistical collection based on inventory materials]. Leningrad: Lengorinventoryburo, 1937. 208 p. (in Russian).

Ivanov V.A., Ivanov D.V. ZhKX blokadnogo Leningrada (organizacionnye i pravovye aspekty funkcionirovaniya nizovyh struktur v 1941–1943 gg.) [Housing and communal services of besieged Leningrad (organizational and legal aspects of the functioning of grassroots structures in 1941–1943)], in *Vojna i blokada. Sbornik pamyati V.M. Koval'chuka* [War and blockade. Collection of memory of V.M. Kovalchuk]. Ed. by A.N. Chistikov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 97–112 (in Russian).

Koval'chuk V.M. Evakuaciya naseleniya Leningrada letom 1941 g. [Evacuation of the population of Leningrad in the summer of 1941], in *Otechestvennaya istoriya*. 2000. No. 3. Pp. 15–24 (in Russian).

Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1944 [Leningrad is under siege. Collection of documents on the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War, 1941–1944]. Ed. by A.R. Dzenishevich; comp. N.Yu. Cherepenina. St. Petersburg: Liki Rossii, 1995. 640 p. (in Russian).

Leningradskaya pravda. 1942. 21 March.

Lomagin N.A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. In 2 books. Book 1. 2nd ed. St. Petersburg: Neva Publishing House, 2004. 576 p. (in Russian).

Pyankevich V.L. "Lyudi zhili sluhami": *Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* ["People lived by rumors": Informal communicative space of besieged Leningrad]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. 479 p. (in Russian).

Pyankevich V.L., Chistikov A.N. Peshkom po ozeru: evakuaciya naseleniya iz Leningrada v konce noyabrya – nachale dekabrya 1941 g. [Along the Lake on Foot: The Evacuation of the Population from Leningrad in late November and early December, 1941], in *Modern History of Russia*. Vol. 9. No. 1. 2019. Pp. 56–69. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.103> (in Russian).

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 3. Inv. 50. D. 423.

RGANI. F. 3. Inv. 50. D. 424.

RGANI. F. 3. Inv. 50. D. 426.

RGANI. F. 3. Inv. 50. D. 430.

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 644. Inv. 2. D. 64.

Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, resheniya. 1941–dekabr' 1942 gg. [Transcripts of meetings of the executive committee of the Leningrad City Council. Records of discussions, comments on projects, decisions. 1941–December 1942 Collection of documents]. Ed. by A.N. Chistikov. Comp. N.Yu. Cherepenina. St. Petersburg: "Art-Ekspress", 2017. 440 p. (in Russian).

Urodkov S.A. Evakuaciya naseleniya Leningrada v 1941–1942 gg. [Evacuation of the population of Leningrad in 1941–1942], in *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 1958. No. 8. Pp. 88–102 (in Russian).

Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb). F. 2076. Inv. 2. D. 71.

CGA SPb. F. 303. Inv. 1. D. 16.

Shaporina L.V. *Dnevnik* [A diary]. In 2 vols. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: NLO, 2017. 592 p. (in Russian).

Leitch D.G. Soviet Housing Administration and the Wartime Evacuation, in *The American Slavic and East European Review*. Vol. IX. 1950. No. 3. October. Pp. 180–190.

Manley R. Where Should We Resettle the Comrades Next? The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Post-War Order, in *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. Ed. by Juliane Fürst. London; N.Y., 2006. Pp. 233–246.

Статья принята к публикации 22.04.2022